

УДК 94.47

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/2

ПЕРВЫЙ ПОМГЛАВКОРУМ – ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ САХАРОВ

М.В. Оськин

Институт законоведения и управления ВПА

Россия, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98

E-mail: maxozv@yandex.ru

Авторское резюме

Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты в 1916 г. привело к ее разгрому и образованию Румынского фронта, большую часть войск которого составляли русские войска. Главнокомандующим фронтом являлся румынский король Фердинанд I. Однако фактическим главкомом был его русский помощник – помглавкорум. Первым помглавкорумом стал генерал Владимир Викторович Сахаров. Бои на Румынском фронте шли в режиме отступления, и потому проявить себя Сахаров не успел, а вскоре после Февральской революции он был отправлен в отставку. Биография генерала Сахарова по-прежнему остается малоизвестной.

Ключевые слова: генерал Сахаров, помглавкорум, Румынский фронт, Февральская революция.

FIRST POMGLAVKORUM – GENERAL OF CAVALRY VLADIMIR VIKTOROVICH SAKHAROV

M.V. OskinInstitute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police
Association

98 Boldin Street, Tula, 300028, Russia

E-mail: maxozv@yandex.ru

Abstract

The entry of Romania in the First World War in 1916 on the side of the Entente led to its defeat and formation of the Romanian Front, where most of the troops were Russian.

The Commander-in-Chief of the front was King Ferdinand I. However, the real Commander-in-Chief was his Russian assistant, Pomglavkorum. The first Pomglavkorum was General Vladimir Viktorovich Sakharov. The army on the Romanian Front was retreating, so Sakharov did not have a chance to show himself. After the February Revolution he was dismissed. His biography still remains obscure.

Keywords: General Sakharov, Pomglavkorum, Romanian Front, February Revolution.

Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты в августе 1916 г. было обеспечено рядом обязательств, выраженных в конвенции 4 августа того же года. Помимо прочего, Российская империя, с войсками которой румынской армии приходилось взаимодействовать непосредственно, воевать плечом к плечу, обязывалась отправить в румынскую Добруджу для сдерживания болгарской армии на Южном румынском фронте 50-тысячный отряд. Этим отрядом стал специально образованный для выполнения союзной задачи 47-й армейский корпус (АК) генерала А.М. Зайончковского, который снабжался из Одесского военного округа (РГВИА 1: 9). Для обеспечения приморского фланга русско-румынских войск, действовавших в Добрудже, в румынской Констанце базировался русский отряд судов особого назначения контр-адмирала П.И. Паттон-Фантон-де-Веррайона. Пользуясь поддержкой флота, почти сразу после вступления в Добруджу Зайончковский сетовал, что корпус недостаточно обеспечивается боеприпасами, и просил снабжать его именно через Констанцу (РГВИА 2: 4) по причине слабого железнодорожного сообщения между Россией и Румынией (РГВИА 3: 153).

Первоначально Зайончковский подчинялся румынскому командарму-3 М. Аслану, но уже 26 августа, после эвакуации крепости Силистрия, румынский король Фердинанд I подчинил ему все войска на правом берегу Дуная в Добрудже и переподчинил Зайончковского как командира отдельной армии самому себе. В состав Добруджанской армии вошли русский 47-й армейский корпус (одна из двух дивизий которого состояла из сербов), а также остатки 3-й румынской армии: 5, 9, 19, 15-я пехотные дивизии и 5-я кавалерийская бригада каларашей. В ожесточенных боях сентября 1916 г. в Добрудже русские и румыны были вынуждены отступать под ударами превосходящей болгаро-германской группировки фельдмаршала А. фон Макензена, что выразительно описано воевавшим там В.П. Катаевым.

Сдача Констанцы 10 октября поставила перед русской Ставкой задачу смены русского командующего в Румынии. В начале октября в Румынию стал перебрасываться 4-й АК генерала Э. Хана Султана Гирей Алиева (в корпусе сначала ходили слухи, что будет морской

десант на Константинополь (ГАРФ 1: 5)), который и стал врид Добруджанской группы после отъезда в Россию А.М. Зайончковского 15 октября. Однако новым командармом Дунайской армии, образуемой на базе Добруджанской группы, должен был стать отнюдь не Алиев. О назначении нового командарма говорит телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего (наштаверх) генерала М.В. Алексева главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта (главкоюз) генералу А.А. Брусилову от 12 октября 1916 г.: «Государь император выразил волю, чтобы Дунайскую армию принял генерал Сахаров, в надежде, что сам генерал Сахаров согласится на занятие этого поста, приобретающего исключительно важное значение. Отправиться нужно немедленно. Остовом полевого управления армии явится управление 47-го отдельного корпуса, но генералу Сахарову нужно предоставить взять из штаба 11-й армии нескольких лиц, на которых он мог бы опереться в первые дни своей деятельности» (РГВИА 4: 290).

Генерал от кавалерии Владимир Викторович Сахаров имел большой военный опыт. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Китайском походе 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. Невзирая на то, что Сахаров в свое время командовал разными корпусами, а во время войны с Японией занимал пост начальника штаба главнокомандующего генерала А.Н. Куропаткина, его нельзя было назвать выдающимся военачальником (А.А. Керсновский характеризует его как «удовлетворительного» (Керсновский 1994: 175)), а потому в Первую мировую войну Сахаров вступил лишь командиром 11-го армейского корпуса. В октябре 1915 г. он получил пост командарма-11, в каковом участвовал в Брусиловском прорыве.

Первым браком Сахаров был женат на дочери коллежского советника В.З. Козловского Александре, имел детей Александру, Владимира и Константина (РГВИА 5: 6).

Вопрос о выборе генерала Сахарова был не так прост. А.А. Брусилов пишет, что Сахаров был назначен по его рекомендации: «...которым я все время был доволен как по должности командира 11-го армейского корпуса в Карпатах, так и в качестве командующего армией» (Брусилов 1983: 212). Брусилов мог отправить в Румынию любого из своих командармов: командарма-7 генерала Д.Г. Щербачева, командарма-11 генерала В.В. Сахарова или командарма-9 генерала П.А. Лечицкого, чья армия в Карпатах уже взаимодействовала с румынами. В войсках считали, что «Брусилов назначил на юг не Лечицкого, более даровитого, но могущего его затмить, а Сахарова – среднего и безнравственного, у которого... всегда жены, <...> который прежде всего поднимает с интендантами вопрос о дойных коровах»

(Снесарев 2014: 248). Французы также были недовольны Сахаровым: телеграмма главнокомандующего Р.-Ж. Нивелля французскому военному представителю в русской Ставке П. Жанену в конце декабря сообщала, что русские делают мало для спасения Румынии, Сахаров проводит время с молодой женой и самоустранился от выполнения своих обязанностей. Нивелль пытался сместить Сахарова и через военного министра Ю. Лиоте, предлагая его просить русскую Ставку сменить генерала, который является «неспособным, слабым и пассивным» (Россия 2014: 93–94). Однако Брусилов ценил командарма-11 как военного труженика, пусть и не хватавшего звезд с неба. В 1923 г. он вспоминал, что Зайончковский «непрерывно жалуется на всех, что все ему мешают. Вот и дождался, что его сменили Сахаровым, который никому ни на что не жаловался, а просто занялся своим делом в самое трудное время» (ГАРФ 2: 31 об. – 32).

Безусловно, согласие и рекомендация Брусилова требовались, чтобы отпустить Сахарова в Румынию. Но все высшие назначения находились в компетенции исключительно императора Николая II, а потому решающей роли мнение Брусилова сыграть не могло. В начале 1916 г., когда встал вопрос о смене главноюза генерала Н.И. Иванова, на этот пост предлагались кандидатуры как Брусилова, так и Щербачева. Тем не менее Д.Г. Щербачев (который в апреле 1917 г. и сменил Сахарова) пока остался на своей должности. Лечицкий не подходил из-за незнания иностранных языков (командарм-9 был единственным высшим генералом – сыном священника), что требовалось для общения с румынскими союзниками на высшем уровне.

Помимо того, в пользу В.В. Сахарова сыграли и придворные связи. В своей докладной записке от 30 ноября 1916 г. на имя императора известный придворный врач и «распутинец» П.А. Бадмаев очень хвалил В.В. Сахарова, чья жена в свое время была его пациенткой. По его словам, Сахаров – «царский, православный и русский человек, глубоко понимающий народную жизнь России. Здесь необходимо в Петрограде иметь такого генерала с широкими русскими взглядами и притом боевого во главе Военного министерства и председателем Совета министров» (ГАРФ 3: 1). Единственным недостатком генерала Сахарова для взаимодействия с румынами являлось плохое знание им французского языка, принятого в среде румынской элиты, вследствие чего ему приходилось общаться с королем Фердинандом на немецком языке.

Генерал Сахаров прибыл в распоряжение Дунайской армии 17 октября 1916 г. Первый же его приказ о вступлении в должность командарма отличался жесткими формулировками в адрес своих подчиненных: «К прискорбию, предыдущие дни были ознаменованы

не только неуспехами войск, действовавших в Добрудже, но и отходом их в крайнем беспорядке... требую от вверенных мне войск соблюдения всегда и при всякой решительной обстановке полного и ничем ненарушимого порядка. А так как сие всецело зависит от начальников, которые обязаны принимать все меры к недопущению беспорядка до встречи производящих беспорядок и отходящих без приказа свыше пулеметами и артиллерией, то предупреждаю, что в случае, не дай Боже, вновь случится что-либо подобное происшедшему, все начальники, не принявшие мер, не дошедшие до крайнего предела в них и тем допустившие беспорядок и самовольный отход вверенных им частей, будут мною предаваться полемому суду, не останавливаясь ни перед чином, ни перед положением виновного. Прошу помнить, что мы присланы сюда Его Величеством воевать с противником и бить его, не щадя ни нашей, ни его крови, а не заниматься спортом на быстроту отхода, да еще самопроизвольного. Требую вывести из обихода верить всяким вздорным слухам, озираться на бегущих мужиков и равняться по задним. Вперед, всегда вперед – вот чего ожидает от нас наш державный Верховный Главнокомандующий и требую от вас я» (РГВИА 4: 260).

К середине октября Дунайская армия, расположенная на линии Остров – озеро Головица, состояла из 61-й и 3-й стрелковых дивизий («слабого состава», как характеризовал их сам Сахаров), 115-й пехотной, 3-й и 8-й кавалерийских, Сербской и двух сводных румынских («совершенно дезорганизованных») дивизий. В качестве первоначальной задачи Дунайская армия должна была задержать противника в Добрудже и обеспечить левый фланг румынской армии, действовавшей на левом берегу Дуная, и сообщение ее с Молдавией. Помимо того, русские обязывались «закрепиться на занимаемой линии и принять меры не только для наблюдения, но и для охраны Дуная». С подходом 4-го Сибирского и 4-го АК поставленная задача была выполнена, румынские, Сербская и 115-я пехотная дивизии выведены в резерв, а на левый берег Дуная, помимо уже действовавшей там 8-й кавдивизии, переведена 40-я пехотная дивизия. После этого армия перешла в медленное наступление, имея целью овладеть линией Черноводы – Констанца (РГВИА 6: 1).

Однако в этот момент австро-германцы подошли к румынской столице, и с началом Бухарестской операции Дунайская армия, прикрывавшая район между Бухарестом и Дунаем, стала отправлять туда войска – 4-й армейский и 6-й конный корпуса, а также все вновь подходившие соединения – 2-я и 15-я пехотные дивизии и 3-й кавалерийский корпус. Поэтому наступление в Добрудже остановилось. В бухарестском сражении 20–22 ноября 120-тысячная группировка

румун была уничтожена и рассеяна. Только 30 тыс. румынских солдат и офицеров при помощи русской 40-й пехотной дивизии (из состава 4-го армейского корпуса), разомкнувшей тиски намечавшегося окружения, сумели уйти на северо-восток. В плен угодили 65 тыс. чел., трофеями немцев стали 124 орудия и 115 пулеметов (Стратегический 1922: 108). Вдобавок 23 ноября германская группа генерала К. фон Моргена, ядром которой был 1-й резервный корпус, разгромила 2-ю румынскую армию.

После падения Бухареста общий оборонительный фронт распался, образуя лишь на севере стену из войск 4-й румынской и 9-й русской армий. В данной ситуации основная тяжесть боев в Румынии легла на русские войска, которые последовательно наращивали свою мощь. К середине ноября в Молдавию на Дорна-Ватренское направление были переброшены 26-й армейский и 3-й кавалерийский корпуса из состава 9-й армии, 2-й АК из 7-й армии, 36-й и 34-й АК с Западного фронта, 40-й АК из состава Особой армии. Удары 9-й армии в Карпатах оттягивали на себя часть неприятельских резервов. Разрушение и без того немногочисленных железных дорог и лавина беженцев стали причиной нехватки снабжения для наступавших в глубь Румынии войск. Не имея возможности кормить войска, русское командование не могло и организовать жесткой обороны, стабилизируя тем самым откатывающийся к северу фронт.

Общее отступление под сосредоточенными ударами противника, прикрываемое кавалерией (РГВИА 7: 87–88), побудило Ставку упорядочить организацию войск в Румынии, включив румынские части в общий оборонительный фронт. Брусилов жаловался на то, что не может надлежащим образом руководить и 9-й армией в Карпатах, и Дунайской армией в Добрудже, так как должен думать о галицийском фронте. Кроме того, в Румынию спешили все новые и новые соединения, объединить которые под управлением одной армии было невозможно. Да и сам фронт к середине декабря растянулся более чем на 500 км. Передать русские войска в подчинение румын было равносильно их уничтожению. Поэтому в русской Ставке было принято единственно верное решение – создать новый фронт.

Телеграмма врид наштаверха (М.В. Алексеев лечился в Крыму) генерала В.И. Гурко Сахарову от 24 ноября 1916 г. сообщала, что предполагается сформировать новый, Южный фронт под командованием румынского короля и его русского помощника. Гурко указывал: «Его Величество изволил остановить свой выбор на Вас как на ответственном помощнике короля с предоставлением Вам прав главнокомандующего фронтом по отношению к русским войскам, входящим в состав фронта» (РГВИА 6: 4). Бывшая Дунайская армия стала назы-

ваться 6-й армией. Мысль о создании нового фронта была высказана императору 20 ноября, накануне Бухарестского сражения, причем первоначально новый фронт должен был называться Южным. Главной проблемой, по мнению представителя русского командования при румынской Главной квартире генерала М.А. Беляева, было следующее: как это решение «предложить королю в такой форме, которая не могла бы вызвать с его стороны обиды и привести к дальнейшим недоразумениям в будущем», ибо король «до крайности самолюбив и постоянно опасается, дабы какая-либо мера не уронила его престижа в глазах румын». 22 ноября Беляев телеграфировал в Ставку, что король согласен на русские условия создания Румынского фронта, а на следующий день он еще раз подтвердил, что румынский король подчиняется русскому императору как Верховному главнокомандующему и будет выполнять его директивные указания: «...вчера король прямо сказал, что как генерал Жоффр объединяет все командование на Западном фронте, так же необходимо, чтобы государь император объединял все командование на фронте Восточном» (РГВИА 8: 1–10, 14–15). Приказ Ставки от 5 декабря гласил, что румынский король принимает на себя главнокомандование «русскими и румынскими войсками, действующими на вновь образуемом Румынском фронте» (Приказы 1916: № 1683).

Соответствующие инструкции в специальной телеграмме В.В. Сахарову указывали, что номинальным главнокомандующим Румынским фронтом становится румынский король, но директивы относительно операций, управления войсками, снабжения будут исходить из русской Ставки. Помглавкорум (помощник августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта), как теперь стала называться должность Сахарова, должен представлять королю эти директивы, следить за их выполнением и быть ответственным за их исполнение (РГВИА 8: 42–43). Такая формулировка была принята по совету румынского премьер-министра И. Брэтиану: король подчиняется не русскому императору, так как одна коронованная особа не может подчиняться другой, а директивам штаба Верховного главнокомандующего. Первоначально румыны хотели сохранить специальный румынский штаб, но русские отклонили это предложение, так как все равно все должны подчиняться штабу русско-румынской группы армий, который будет русским. С созданием Румынского фронта по приказу наштаверха от 5 декабря 1916 г. румынская армия вошла в его состав «на тех же основаниях, как и 6-я Дунайская армия». Поэтому она должна была снабжаться русским интендантством, и Главное военно-техническое управление «внесло в план снабжения нашей армии на 1917–1918 гг. 10 % надбавки для румынской армии» (РГВИА 9: 6).

В январе 1917 г. румынские части занимали лишь 36-километровый участок (общая протяженность Румынского фронта – 430 верст). Шесть румынских дивизий, еще более-менее сохранивших боеспособность, были сведены во 2-ю армию генерала А. Авереску, а прочие отошли в тыл. Остатки румынских войск отправлялись в русский тыл, в Молдавию. Там французская миссия генерала А.-М. Бертелло занялась реорганизацией румынской армии, которая к началу 1917 г., по французским данным, насчитывала 179 687 штыков и сабель и 82 545 новобранцев (Французские армии 1940: 524).

К 27 декабря генерал В.В. Сахаров отвел войска на серетскую позицию, где фронт и стабилизировался. Русские прикрывались естественными рубежами рек Дунай и Серет, одновременно создав на фокшанском направлении, между Фокшанами (немцы) и Марашештами (русские), перевес сил, который позволил остановить неприятеля. К концу декабря в состав Румынского фронта входили 4-я, 6-я и 9-я русские армии, которые географически располагались следующим образом: 9-я армия – в Карпатах, на стыке с 8-й армией Юго-Западного фронта; по линии дунайских гирл до Галаца – 6-я армия; между 9-й и 6-й армиями, в центре, по рубежу реки Серет – 4-я армия (см. табл.).

Состав войск Румынского фронта на 1 января 1917 г.

Показатель	Офицеров налицо	Комплект	Чиновников налицо	Комплект	Солдат налицо	Комплект	Лошадей налицо	Некомплект
Боевые части	15 504	–1 966	4 982	–1 081	829 072	–95 260	314 764	–26 555
Запасные войска	1 034	+707	87	–17	70 833	+59 096	1 045	–252
Всего во фронте едоков	16 584	–2	5 101	–1 098	901 576	–59 131	315 996	–26 832

Источник: РГВИА 10: 115–117.

Штаб фронта первоначально располагался в Бырладе и только потом переехал в Яссы, где уже находился румынский король. Генерал-квартирмейстер Румынского фронта В.Н. Черемисинов вспоминал, что сам Сахаров расположился достаточно скромно – он жил в двух маленьких комнатках в Яссах, рядом с чинами своего штаба (ГАРФ 4: 2).

На фокшанском направлении ожесточенные бои продолжались вплоть до 28 декабря, когда, наконец, неприятель приостановил свое наступление в глубь румынской территории. Теперь отдельные стычки велись лишь за улучшение своего позиционного положения. Поэтому зимой 1917 г. потери нес в основном Румынский фронт, в то время как прочие русские фронты фактически бездействовали. Так, потери на всех фронтах за первую неделю нового года – с 31 декабря по 6 января – составили 2 723 убитых, 7 656 раненых, 373 контуженных и 453 пропавших без вести. Из этого числа убитых 2 245 бойцов (82,5 %) пришлось на долю армий Румынского фронта (РГВИА 11: 71). Намереваясь возобновить военные действия, в начале февраля 1917 г. помглавкорум решил нанести несколько коротких ударов, которые были отменены приказом Ставки. К тому же командармы также «отнеслись крайне отрицательно к февральской операции, что отчасти побудило генерала Сахарова воздержаться от нее» (ГАРФ 5: 46). По итогам сражений приказом по армиям фронта от 28 февраля Сахаров перечислил следующие причины неудачи русских атак:

1) сосредоточение основной массы пехоты в передовых окопах, что влекло большие потери от артиллерийского огня противника;

2) резервы и артиллерия располагались слишком далеко от первых линий, где сосредоточивались части, предназначенные для наступления;

3) неумелое применение пулеметов;

4) отсутствие связи как между пехотой и артиллерией, так и между соседями;

5) главный виновник неудачного исхода боев – командный состав «до командиров полков включительно» (РГВИА 12: 54).

Основной проблемой помглавкорума Сахарова в начале 1917 г. стало не выполнение боевых задач, а преодоление дезорганизации частей фронта (ГАРФ 6: 5) и снабжение своих войск интендантским довольствием, прежде всего продовольствием и фуражом. Армии фронта опирались не только на запасы оставшейся части румынской территории, которые быстро истощались, но и на ресурсы приграничных русских регионов, в первую очередь Бессарабии. О вставших перед командованием фронта проблемах говорит рукопись помощника инспектора артиллерии армий Румынского фронта генерала А.Н. Виноградского: «Хотя Молдавия и обладала большим количеством зерна и скота, но при 3,5-миллионном населении своею не могла прокормить еще и миллионную русскую армию с ее многочисленной конницей и беженцев из Валахии. Кукурузы было довольно на месте, но нехватка хлеба и мяса, подвоз которых из тыловой полосы затруднялся расстройством транспорта, начала

сказываться с середины зимы. Сахару также было мало, а особенно туго приходилось относительно фуража, так как в Румынии травосеяние и возделывание овса было крайне мало развито» (ГАРФ 5: 16). Сахаров прекрасно сознавал, что «без подвоза из Одессы армии питаться не могут, поэтому должны приниматься все меры, чтобы поезда с продовольствием отправлялись из Одессы и продвигались по пути без задержек... Снежные заносы на юго-западных дорогах – не новость и не могут служить оправданием простоя по неделям» (РГВИА 13: 21). Для подвоза даже пришлось использовать устье Дуная (РГВИА 14: 246), однако наладить снабжение почти миллиона русских солдат и еще помочь румынской армии и беженцам оказалось нелегким делом, вследствие чего затруднения со снабжением Румынского фронта наблюдались еще и после Февральской революции (РГВИА 15: 373). За январь 1917 г. недовоз продфуража составил 78,8 %, в феврале – 62, марте – 58, апреле – 55 % (ГАРФ 7: 179 об.). Недостаток приходилось восполнять за счет ресурсов Бессарабии и Молдавии.

Трения с союзниками также мешали работе. В частности, среди румын велась активная прогерманская пропаганда. Рапорт военного агента в Румынии полковника В.А. Палицына от 9 января 1917 г. сообщал, что «моральное состояние частей румынской армии, отведенных в тыл, находится в настоящее время в полном разложении. Несмотря на заявление, что к реорганизации их уже приступлено, они никаким делом не заняты, и, по-видимому, это состояние продолжится еще долго. Вследствие все усиливающейся пропаганды надо думать, что если условия не изменятся, то нравственное состояние солдат к весне окажется еще худшим и непоправимым». Германофильские офицеры распространяли слухи, что «армию насильно заставили сражаться вместе с русскими» (РГВИА 16: 269). К счастью, король Фердинанд I продолжал твердо придерживаться курса на союз с Антантой.

Генерал Черемисинов вспоминал, что самой яркой чертой характера Сахарова была «полная самостоятельность в решениях, подчас сильно вредившая ему», что особенно проявилось в ситуации февральского переворота (ГАРФ 4: 3–5, 16). Действия главнокомандующих фронтами и наштаверха в условиях вооруженного восстания в Петрограде, переросшего в революцию, оцениваются весьма неоднозначно: от предательского шага участников оппозиционного заговора до положения вынужденных жертв сложившейся обстановки.

Так или иначе, позиция помглавкорума, во-первых, мало что решала вообще вследствие отдаленности Румынского фронта от столицы, а также ввиду расположения войск на территории соседнего союзного

государства. Значение этого фактора подтверждается хотя бы тем, что с Румынского фронта не отправлялось никаких подразделений для подавления Петроградского восстания (прочие фронты отправляли конницу и пехоту). Во-вторых, свой пост генерал Сахаров получил совсем недавно, слишком быстро (за три месяца) пройдя путь от командира корпуса до помглавкорума, а потому его статус среди главкомов не был высоким. Но именно эта позиция позволила Сахарову запрашивать ответы других лиц и откладывать ответ на запрос Ставки о вероятном отречении императора до последнего.

Как известно, с ответом о необходимости отречения, выраженной в телеграмме наштаверха генерала М.В. Алексева, помглавкорум лавировал до последнего момента, узнав уже мнения всех прочих главнокомандующих и только тогда вынужденно присоединившись к общему мнению высших генералов. Примечательно, что в разговоре со Ставкой Сахаров не требовал, чтобы ему показали ответы других главнокомандующих фронтами, но хотел знать лишь ответ с Кавказа, от великого князя Николая Николаевича. Вероятнее всего, В.В. Сахаров считал мнение наместника определяющим потому, что являлся убежденным сторонником монархии и уважал великого князя как своего бывшего Верховного главнокомандующего в 1914–1915 гг.

Считается, что главнокомандующие Северным (Н.В. Рузский) и Юго-Западным (А.А. Брусилов) фронтами, равно как и М.В. Алексеев, в той или иной степени знали о действиях оппозиции по подготовке государственного переворота и захвату власти в пользу великого князя Михаила Александровича (неважно – как императора или как регента при цесаревиче), а потому были готовы к событиям. В свою очередь А.Е. Эверт (Западный фронт) и тем более В.В. Сахаров, не имевшие доступа к информации о заговоре, лишь подстраивались под деятельность вышеуказанных военачальников. Эверт и Сахаров являлись наиболее верноподданными главкомами, а потому, чтобы не допустить междоусобицы на фронте, их следовало убедить.

Представляется, что основными доводами, склонившим главкозапа и помглавкорума на сторону революции (тогда предполагалось, что результатом станет конституционная монархия, о республике речи вообще не было), стали угроза снабжению армии и опасение германского вторжения. По воспоминаниям супруги А.Е. Эверта, главкозап оценивал обстановку именно с этих позиций: 28 февраля «задержится подвоз, начнется недоедание в армии, этим, конечно, воспользуются, и бунт в армии неминуем»; 1 марта «мне пришлось нарушить присягу, обратиться к государю с предложением отречься от престола; все главнокомандующие обратились с такой просьбой, считают, что это

единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной» (ГАРФ 9: 4 об. – 5).

Для Сахарова эти моменты были еще более актуальны: снабжение Румынского фронта выполнялось не более чем на 60 %, что вынуждало пока опираться на местные средства румынской территории и Бессарабии. Вдобавок германские атаки все еще продолжались, крупные бои закончились не более месяца назад, а потому внутренняя борьба и падение обороноспособности действующей армии для не успевшего как следует закрепиться на занимаемых рубежах Румынского фронта означали катастрофу.

В конечном счете Сахаров под влиянием депеши Алексеева согласился с мнением прочих высших генералов. Днем 2 марта в Пскове, где находился убеждаемый Рузским в необходимости отречения Николай II, были получены телеграммы главнокомандующих фронтами и командующего Балтийским флотом А.И. Непенина, которые высказались за необходимость отречения императора от престола. Доминирующим мотивом в этом решении служило стремление обеспечить возможность России с победой закончить войну.

Телеграмма В.В. Сахарова, не отличаясь от прочих по сути, существенно отличалась по содержанию. С одной стороны, он выразил свои верноподданнические настроения – «горячая любовь моя к его величеству», но с другой – поддержал мнение о необходимости отречения: «...пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям». В любом случае такой текст заставил насторожиться тех, кто пришел к власти в начале марта 1917 г. Черемисинов подытоживает: «...телеграмма генерала Сахарова, совершенно не соответствовавшая моменту, была его лебединой песней» (ГАРФ 4: 16). Приказ помглавкорума по армиям Румынского фронта от 17 марта 1917 г. показывает его отношение к произошедшему: «Берегите же и впредь, офицеры и солдаты, душу военного дела – святую дисциплину... Сомкните ряды теснее и железной пятой раздавите германо-болгарскую змею, и копьём Георгия Победоносца поразите германскую гидру». Здесь же, обращаясь к гражданам губерний тыла Румынского фронта, Сахаров указал: «Страна и армия не должны теперь иметь недостатка продуктов земли. Потрудитесь же, если нужно, вдвойне, чтобы лишения и голод не смутили более слабых и не проникла в страну смута» (Известия 1917: 1).

В условиях кампании конца 1916 г. генерал В.В. Сахаров не имел возможности проявить себя в качестве полноценного полководца, так

как ему и его штабу пришлось импровизировать на ходу, останавливая неприятельское наступление после падения Бухареста, а количества войск для организации наступательных действий всегда было недостаточно. Поэтому особый интерес представляет составленный штабом Сахарова план весенней операции Румынского фронта как составной части общего наступления русской действующей армии в кампании 1917 г. Разработанный план был выражен в приказе помглавкорума от 9 марта 1917 г., т. е. сразу после Февральской революции.

Основная идея заключалась в нанесении армиями Румынского фронта «в направлениях по их выбору частных, но сильных ударов противнику с целью сковать его и помешать перебрасывать войска с Румфронта на другие театры». Иными словами, Румынский фронт получал вспомогательную задачу, содействовавшую главному удару, который передавался Юго-Западному фронту. Поставленные перед армиями задачи состояли в следующем: 9-я армия должна была атаковать и отбросить противника в горы с целью прочнее обеспечить нефтеносный и угольный районы Окна – Онешти и выйти по возможности в долину реки Олита, угрожая неприятельским сообщениям перед 2-й румынской армией. В свою очередь 4-я армия наступала в общем направлении на Фокшаны – Рымник, а 6-я армия – на Чиорасчи, угрожая тылу противника перед 4-й армией. В связи с политической неопределенностью, наступившей после падения монархии, время начала операции не указывалось, а приказывалось «только произвести немедленные разведки, выбрать и оборудовать наблюдательные пункты и артиллерийские позиции, подготавливать тылы, инженерные средства и связь, вообще приступить к выполнению всей совокупности работ, предшествующих серьезной активной операции». По расчетам Сахарова, русское превосходство в силах насчитывало около 100 тыс. чел., 400 орудий и 130 тыс. сабель, однако признавалось, что орудий тяжелого и среднего калибра будет 413 против 700 у неприятеля. Также в наступлении невозможно было бы использовать преимущество в кавалерии, так как зимой конницу пришлось отвести в тыл, а после революции она использовалась для поддержания порядка на железных дорогах, находясь в распоряжении Одесского военного округа.

В целом операция сводилась «лишь к нажиму на противника с целью его сковать и попутно улучшить свое расположение в тактическом отношении». Поэтому директива от 9 марта «не предусматривала прорыва противника на одном каком-либо участке с серьезной стратегической целью и была соответственно лишена основной идеи – стержневой оси, вокруг которой наматывается боевая работа

всего фронта в стремлении к единой общей цели. В итоге операция сводилась лишь к ряду более или менее равноценных местных операций, цели и направления которых были определены еще в начале февраля каждой армией в отдельности, не связывая их с достижением общего для всего фронта стратегического решающего результата» (ГАРФ 5: 56–59).

Причиной составления столь неуверенного в наступательном отношении плана весенней операции стала транспортная разруха. Слабая железнодорожная сеть Румынского фронта могла справиться только с подвозом интендантского имущества, прежде всего продовольствия и фуража, а потому возможностей для перегруппировки в случае успеха атаки объективно не существовало. К тому же на стыке 4-й русской и 2-й румынской армий находился сильный резерв, так как русское командование не было уверено в устойчивости румынского союзника.

В начале апреля 1917 г. все еще рассчитывавшая на общее наступление русская Ставка подкорректировала план Сахарова. Теперь главный удар направлялся на Браилов, а в качестве конечной цели атаки директива Ставки от 3 апреля ставила захват Добруджи и Нижнего Дуная. Согласно армейским задачам, 4-я армия вместе с ударной группой 6-й армии обязывалась выйти на линию река Мильковуль – Обилесчи – Мартинесчи – Чиораски. В случае успеха наносившая главный удар Румынского фронта 6-я армия должна была прижать противника к Дунаю и войти в Добруджу. К началу мая подготовка войск и переброска тяжелой артиллерии должны были быть закончены. Во исполнение директивы Черноморский флот должен был оказывать поддержку наступлению на Нижнем Дунае. Поэтому В.В. Сахаров просил командующего Черноморским флотом А.В. Колчака оказать содействие 6-й армии: взять под контроль русло Нижнего Дуная, помочь перебросить 6-ю армию через Дунай и поддерживать сообщения после занятия Добруджи. В свою очередь Колчак даже предложил высадку десанта в районе Констанцы в составе 124-й пехотной, Балтийской, ударной Черноморской дивизий и одного казачьего полка (ГАРФ 5: 67–68, 72–73).

Трудно оценить возможности успеха планировавшегося наступления, но проводить его генералу Сахарову все равно не пришлось бы. Чистка вооруженных сил, предпринятая Временным правительством весной 1917 г., к началу лета убрала почти всех командующих фронтами на момент Февральской революции – Н.В. Рузского, А.Е. Эверта, Н.Н. Юденича. Своего поста лишился и В.В. Сахаров. В начале апреля действующую армию посетил новый военный министр А.И. Гучков, который, собственно, и проводил чистку командного состава. 9 апреля 1917 г. он провел совещание в Яссах, причем обращался к Сахарову

к как перспективному командующему фронтом, и присутствовавшим показалось, что помглавкорум останется хотя бы на период предстоявшего наступления. Однако после совещания Гучков около 15 минут беседовал с глазу на глаз с командармом-9 генералом П.А. Лечицким, которого, по слухам, прочили на должность главнокомандующего армиями Западного фронта. Когда Гучков вышел, Лечицкий рассказал Сахарову, что военный министр только что уговаривал его принять пост помглавкорума, но Лечицкий отказался («разве я мог согласиться на это, когда армию разваливают и превращают в бунтующие толпы?») и, вопреки расчетам Гучкова, подал прошение об отставке. Вечером при отъезде из Ясс Гучков пожелал Сахарову успеха в будущем наступлении, но начальник связи доложил, что адъютант Гучкова уже отправил в Ставку телеграмму с требованием прислать на Румынский фронт командарма-7 генерала Д.Г. Щербачева (ГАРФ 4: 20–21).

В приказе по армиям фронта Сахаров так характеризовал командарма-9: «9-я армия и Румынский фронт с уходом генерала Лечицкого теряют в лице его опытного вождя, любимого войсками, строгого, но справедливого начальника, познавшего душу солдата и офицера и умевшего всегда воодушевить их на славные боевые подвиги» (РГВИА 17: 387). Но тот же поворот ожидал и самого Сахарова.

Таким образом, судьба первого помглавкорума была предрешена. 12 апреля на пост помощника августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта был назначен Д.Г. Щербачев. В приказе А.А. Брусилова от 16 апреля об отбытии Щербачева на Румынский фронт сообщалось о надеждах на нового помглавкорума: «Обладая широкими военными знаниями и твердой волей, всегда бодрый духом и проникнутый стремлением вперед, генерал Щербачев умел воодушевить и влить дух победы и во вверенные ему войска» (ГАРФ 8: 1).

Генерал от кавалерии Владимир Викторович Сахаров, без сомнения, не относился к выдающимся военачальникам русской императорской армии периода Первой мировой войны. Он был крепким комкором и неплохим командармом, однако его боевая карьера все-таки складывалась преимущественно в боях против австро-венгерской армии, уступавшей в качестве немцам. На посту командующего фронтом генерал Сахаров оказался в очень тяжелый период отступления из Румынии и не смог надлежащим образом организовать отход, уступив неприятелю восточную часть союзной страны и даже устье Дуная. Неизвестно, смог бы справиться с этой задачей лучше другой полководец, но нелегкая ноша легла на плечи В.В. Сахарова, и он старался сделать все, что было в его силах.

ЛИТЕРАТУРА

- Брусилов 1983 - *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1983.
- Известия 1917 - Известия штаба XI армии. 1917. 30 марта.
- Керсновский 1994 - *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1994. Т. 4.
- Французские армии 1940 - Французские армии в мировой войне. Т. 8: Восточная кампания. М., 1940. Вып. 2.
- Приказы 1916 - Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1916 год. Б.м., 1916.
- Россия 2014 - Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2 кн. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты. СПб., 2014.
- Снесарев 2014 - *Снесарев А.Е.* Дневник: 1916–1917. М., 2014.
- Стратегический 1922 - Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6: Румынский фронт. М., 1922.
- Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ) 1 - ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442.
- ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 357.
- ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 42.
- ГАРФ 4 - ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 729.
- ГАРФ 5 - ГАРФ. Ф. 6260. Оп. 1. Д. 2.
- ГАРФ 6 - ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068.
- ГАРФ 7 - ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312.
- ГАРФ 8 - ГАРФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 4.
- ГАРФ 9 - ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757.
- Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА) 1 - РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1643.
- РГВИА 2 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 418.
- РГВИА 3 - РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 2120.
- РГВИА 4 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 180.
- РГВИА 5 - РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 80216.
- РГВИА 6 - РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15.
- РГВИА 7 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 108.
- РГВИА 8 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 520.
- РГВИА 9 - РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 10.
- РГВИА 10 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030.
- РГВИА 11 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 447.
- РГВИА 12 - РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 95.
- РГВИА 13 - РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 45.
- РГВИА 14 - РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 523.
- РГВИА 15 - РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 464.
- РГВИА 16 - РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3091.
- РГВИА 17 - РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1.

REFERENCES

- Brusilov, A.A. (1983) *Moi vospominaniya* [My Memoirs]. Moscow: Voenizdat.
- Izvestiya shtaba XI armii*. (1917). 30th March.
- Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii* [History of the Russian Army]. Vol. 4. Moscow: Golos.
- Anon. (1940) *Frantsuzskie armii v mirovoy voyne* [French Armies in the World War]. Vol. 8. Moscow: [s.n.].
- Staff of the Supreme Commander. (1916) *Priказы nachal'nika shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego za 1916 god* [Orders of the Chief of Staff of the Supreme Commander for 1916]. [s.l.; s.n.].
- Pavlov, A.Yu. (2014) *Rossiya v strategii Pervoy mirovoy voyny: v 2 kn.* [Russia in the Strategy of the First World War: In 2 books]. Book 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.
- Snesarev, A.E. (2014) *Dnevnik: 1916–1917* [Diary: 1916–1917]. Moscow: Kuchkovo Pole.
- Tsikhovich, Ya.K. (1922) *Strategicheskiy ocherk voyny 1914–1918 gg.* [A Strategic Sketch of the War of 1914–1918]. Part 6. Moscow: Vysshiiy voennyi redaktsionnyy sovet.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 442.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5972. List 3. File 357.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 713. List 1. File 42.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 729.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 6260. List 1. File 2.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 265. File 1068.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 1778. List 1. File 312.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 4.
- The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 757.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 499. List 3. File 1643.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. File 418.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2004. List 3. File 2120.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 2. File 180.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 409. List 1. File 80216.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2085. List 1. File 15.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. File 108.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. File 520.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 369. List 11. File 10.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 2. File 1030.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 2. File 447.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 391. List 2. File 95.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2086. List 1. File 45.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2003. List 1. File 523.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2004. List 3. File 464.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2000. List 1. File 3091.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2085. List 1. File 1(1).

Оськин Максим Викторович – доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления ВПА (Россия).

Oskin Maxim – Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association (Russia).

E-mail: maxozv@yandex.ru